

Сергей Донских

КАВАЛЕРИЙСКИЕ БОИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ИЮЛЕ 1812 Г. В РАБОТАХ ЯНУША СТАШЕВСКОГО

Польский историк Януш Сташевский (1903–1939) по сегодняшний день остается ведущим польским исследователем арьергардных кавалерийских боев во время отступления 2-й западной российской армии генерала П. И. Баграциона. Историк родился 26 апреля 1903 г. в г. Влоцлавек. Принимал участие в советско-польской войне 1920 г. В 1924–1928 гг. учился на гуманитарном факультете Познаньского университета. В 1934 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Кавалерийские бои под Миром и Романовым в 1812 г.» Сферой научных интересов Сташевского стала польская военная история эпохи наполеоновских войн. Он активно готовился к защите диссертации на соискание ученой степени «доктора хабилитованого», связанной с участием польских частей в военных действиях в Восточной Пруссии во время кампании 1807 г. Внезапная смерть историка 28 сентября 1939 г. в Вильнюсе помешала этим планам.

Сташевский занимался активной общественно-политической работой. В 30-х гг. XX в. он часто проводил занятия в рамках т.н. «Открытых университетских лекций» на территории Восточной Пруссии, Поморья и Силезии, которые входили в состав Германии. Эти лекции предназначались для польского населения и были призваны не только укрепить его национальное самосознание, но и пробудить стремление к воссоединению с Польшей (т.н. «политика рисорджименто»). Предполагается, что заграничная просветительская работа Сташевского была связана с разведывательной деятельностью, что выглядит весьма правдоподобным. Особенно, принимая во внимание раннюю смерть Сташевского вскоре после вхождения

Красной Армии в Вильнюс.

Несмотря на свою преждевременную кончину, политическую ангажированность и национальную пристрастность Сташевский состоялся как серьезный профессиональный историк. В рамках заявленной темы наибольший интерес представляют три работы ученого: «Генерал Доминик Дзевановский» (1933), «Кавалерийские бои под Миром и Романовым в 1812 г.» (1934) и «Дневник Петра Лаговского о войне 1812 г. в Литве» (1936), подготовленный к печати Сташевским [6, 7, 8]. Значение этих работ для польской военной историографии показывает тот факт, что автор фундаментального исследования «Война 1812 года» Мариан Кукель при анализе боев под Миром целиком опирался на работы Сташевского и введенные им в научный оборот исторические источники [4, с. 342–347]. Особую ценность суждениям Сташевского придает тот факт, что историк имел личный опыт участия в военных действиях в ходе советско-польской войны 1920 г. Причем это была последняя в истории Европы война, в которой кавалерия сыграла важную роль.

Следует отметить, что до середины 30-х гг. XX в. тема неудачных для польской кавалерии боев на территории Беларуси летом 1812 г. не вызывала интереса у польских историков [5]. Задачи национального возрождения требовали от истории не просто героических, но славных и успешных примеров. Поэтому гораздо больший научный и общественный интерес вызывало участие польских полков в австро-французской войне 1809 г. и в боевых действиях в Испании в 1808–1813 гг. Лишь по мере укрепления польской государственности и нарастания угрозы немецко-фашистской агрессии тема участия польских частей в «московской кампании Наполеона» 1812 г. стала актуальной проблемой польской военной историографии.

Говоря о достоинствах исследований Сташевского, необходимо в первую очередь остановиться на проведенном им анализе боевых качеств польских частей, которые принимали участие в боях под Миром в июле 1812 г. В ходе наполеоновских войн польские уланы стали едва ли не национальным родом войск. Польские уланские полки вошли в состав наполеоновской гвардии и блестяще зарекомендовали себя в тяжелой «испанской кампании» 1808 г. Можно напомнить, что уланский полк уроженца Слонимщины Яна Конопко (1775–1814) испанцы даже прозвали «адскими пикинерами» (*los infernos picadores*). Сташевский убедительно показывает, что созда-

ние многочисленной армии накануне вторжения в Россию в 1812 г. обернулось ее низким качеством и огромными проблемами в снабжении. Достаточно привести следующие данные о составе и боевых характеристиках 4-й легкой кавалерийской дивизии генерала Александра Рожнецкого (1771–1849), которая противостояла казакам Платова в боях под Миром.

Бригада	Командир	Уланский полк	Командир	Дата создания	Опыт участия в боях	Краткая характеристика полка на основе работ Сташевского
28-ая	Доминик Дзевановский	2	Якуб Пясецкий	1806	1807, 1809	Хорошо вооружен и обучен, но плохо экипирован
		7	Августин Завадский	1809	нет	Худший полк в польской кавалерии
		11	Адам Поттоцкий	1809	нет	Слабо обучен, но хорошо экипирован
29-ая	Казимир Турно	3	Александр Радзивицкий	1806	1807, 1809	Хорошо обучен, вооружен и экипирован
		15	Августин Тшеческий	1809	нет	Слабо обучен. Не хватает лошадей.
		16	Адам Тарновский	1809	нет	Хорошо обучен, вооружен и экипирован

Таким образом, две трети польских улан под Миром – четыре полка из шести – не имели никакого боевого опыта. Даже в «старых» полках был большой процент новых рекрутов. Вследствие неурожая 1811 г. и дислокации огромного числа иностранных войск на территории Великого герцогства Варшавского накануне кампании 1812 г. польские власти не могли полноценно обеспечить свои войска. Военнослужащие получали лишь две трети жалования и рационов, да и то со значительными задержками [8, с. 20–21]. Общей проблемой для польских улан из дивизии Рожнецкого была нехватка хороших лошадей. Для обеспечения армии командование вернулось к старой традиции XVII–XVIII вв. назначения шефов полков. Фактически эта должность покупалась. Например, в 1811 г. князь Доминик Радзивилл был назначен полковником и командиром 8-го уланского полка за сумму в 216 тыс. злотых, из которых 54 тыс. он потратил на нужды «своего» полка [8, с. 9]. В результате заслуженные, но

неродовитые офицеры теряли шанс на продвижение по служебной лестнице. Боевой дух, особенно у офицеров, был очень силен, а вот военного опыта катастрофически не хватало.

Не способствовало взаимопониманию польских офицеров и многообразие военных школ, в рамках которых они сформировались. Среди старших офицеров были люди, принимавшие участие в российско-польской войне 1792 г. и восстании Т. Костюшко 1794 г., например, генерал Александр Рожнецкий или полковник Адам Тарновский. Часть офицеров начинала военную службу в польских легионах еще революционной Франции. Оба бригадных командира 4-й легкой кавалерийской дивизии имели опыт службы в прусской армии. Полковник Ржышевский в 1805 г. даже сражался с французами как капитан российской армии.

Большое внимание в работах Сташевского уделяется действиям командиров наполеоновской армии: командующего IV кавалерийским корпусом французского генерала Мари Виктора Никола Латур-Мобура и командующего 4-й легкой кавалерийской дивизии польского генерала Александра Рожнецкого. Относительно Латур-Мобура польский историк отмечает, что тот недооценил противника, пустил на самотек преследование армии Багратиона, находился вдали от «передовой», что мешало быстро и адекватно оценивать обстановку. Теоретически имея значительное превосходство в силах — три регулярные кавалерийские дивизии (польские уланы и конные стрелки, вестфальские гусары, саксонские и вестфальские кирасиры) против иррегулярной кавалерии Платова (донские казаки, башкиры, калмыки) — Латур-Мобур каждый раз на поле боя оказывался в меньшинстве и без поддержки артиллерии [7, с. 53; 8, с. 62–63]. Зачастую его кавалерийские полки оказывались разбросанными на десятки километров друг от друга, не говоря уже об отсутствии взаимодействия с пехотой и артиллерией.

Что касается Рожнецкого, то Сташевский справедливо замечает, что на негативные оценки этого командира, вплоть до намеков на трусость, повлияла деятельность генерала после наполеоновских войн. В Царстве Польском Рожнецкий возглавил тайную полицию, а во время восстания 1830–1831 гг. активно поддержал российскую власть. Однако, по мнению Сташевского, во время кавалерийских боев под Миром в июле 1812 г. Рожнецкий проявил себя как хороший военачальник. Главная претензия польского историка к командиру 4-й легкой кавалерийской дивизии состоит в том, что

он принимал бой на выбранной противником территории без должной предварительной разведки [8, с. 63–64]. Анализируя действия Рожнецкого на второй день боев под Миром 10 июля 1812 г., Сташевский возлагает основную вину за поражение польских улан на начальника штаба IV кавалерийского корпуса Великой Армии полковника Серона. Он обещал выслать подкрепления Рожнецкому, но сам остановился на дороге между местечком Мир и деревней Песочная с 19-й кавалерийской бригадой Т. Тышкевича и ждал развития событий. Для Сташевского обещания Серона стали главной причиной неосторожных действий Рожнецкого — ввязавшегося в бой с превосходящими силами противника [8, с. 48–49].

Сташевский признает, что в кавалерийских боях лета 1812 г. генерал М. И. Платов проявил себя с лучшей стороны. Он всегда давал бой после тщательной разведки, на выбранной им позиции и имея многочисленные резервы. На поле боя Платов организовал эффективное взаимодействие казаков с артиллерией, регулярной кавалерией (ахтырские гусары и киевские драгуны) и легкой пехотой (5-й егерский полк). Этих качеств наполеоновские командиры не проявили. Что касается рядового состава польских уланских полков, то принимая во внимание их слабую военную подготовку – они, по мнению Сташевского, проявили себя вполне достойно.

Заслуживают внимания данные Сташевского о потерях наполеоновской кавалерии в ходе боев под Миром и Романовым. В первый день боев под Миром 9 июля 1812 г. 29-я кавалерийская бригада Турно потеряла почти 25 % своего личного состава. На второй день боев под Миром 10 июля 1812 г. потери 4-й легкой кавалерийской дивизии Рожнецкого составили свыше

30 % личного состава. Бой под Романовым 14 июля 1812 г. стоил 1-му полку конных стрелков Пшебендовского 50 % личного состава. Элитные конные стрелки так и не оправились от тяжелых потерь. Полк дошел до Смоленска, где был оставлен для реорганизации [8, с. 39; 51; 60]. Похожая судьба постигла и 28-ю кавалерийскую бригаду Дзевановского. После занятия Могилева ее оставили для блокады Бобруйской крепости. При этом из состава бригады наполеоновское командование забрало 11-й уланский полк, а взамен оставило 15-й уланский полк, который под Миром понес особенно тяжелые потери [7, с. 53]. Таким образом, после боев под Миром, оставленная на Беларуси 28-я кавалерийская бригада Дзевановского включала в себя 2-й, 7-й и 15-й уланские полки. О ее деморализации говорит тот

факт, что сразу два командира полка под предлогом болезни уже в августе 1812 г. оставили свои части: Завадский — 7-ой полк, а Тше-ческий — 15-й полк. Командование этими частями перешло соответственно Юзефу Конарскому и Виктору Псарскому [8, с. 13].

Сташевский признает, что победы Платова под Миром и Романовым позволили 2-й западной армии Багратиона выиграть время и оторваться от преследования превосходящих сил правого крыла «Великой армии» во главе с вестфальским королем, младшим братом Наполеона Жеромом Бонапартом. Это были значительные силы в составе трех армейских и одного кавалерийского корпуса, которые с севера поддерживал наступающий I армейский корпус маршала Л. Н. Даву. В сумме эти наполеоновские части вдвое превосходили по численности войска Багратиона. Скорость маневра и успешные кавалерийские арьергардные бои позволили российским войскам избежать окружения и уничтожения.

Сташевский в своих исследованиях почти не затрагивает вопрос о «морально-психологических» последствиях поражений наполеоновской кавалерии на территории Беларуси летом 1812 г. При этом его работы содержат интересный материал на эту тему. В частности, историк замечает, что ни один польский участник кавалерийских боев под Миром и Романовым не оставил своих воспоминаний! Источниками служат сведения, которые приводятся людьми, непосредственно в этих событиях не участвовавшими: бывших в резерве, при штабе, на марше и т.п. [8, с. 37, прим. 4]. Не упоминает Сташевский о факте настоящей дезинформации генералами правого крыла «Великой армии» своего командования. В частности, командующий V «польским» корпусом Великой Армии генерал Ю. Понятовский в письме начальнику Главного штаба империи маршалу Л. А. Бертье (Несвиж, 13 июля 1812 г.) живо описал полное поражение казаков под Миром. Якобы убит казачий генерал Грегорьев (неизвестный истории военачальник — С.Д.) и свыше 1500 казаков, много русских в одних рубашках, чтобы не быть узванными, разбежалось по лесам, а Литовский уланский полк российской армии собирается перейти на сторону Наполеона [3, с. 204]. Очевидно, что такого рода рапорты только мешали наполеоновскому командованию адекватно оценивать обстановку и принимать взвешенные решения.

На огромное значение «морально-психологических» последствий боев под Миром и Романовым обратил внимание российский генерал И. Ф. Паскевич, командир 26-й пехотной дивизии в армии

Багратиона. В своих «Походных записках» он отметил: «В кавалерии или бьют всегда, или всегда же бывают биты. Все зависит от первого успеха. Платову необходимо было разбить неприятеля под Миром, чтобы остановить хвостовство и наглость поляков. Еще раз только под Романовым арьергард наш был атакован, но истребил совершенно первый конноегерей и один гренадерский полк неприятеля, и зато армия после того и не слыхала о страшной, как говорят, польской кавалерии, которой у Наполеона было до 20 тыс.» [2, с. 83].

Это крайне важное замечание. Успехи российского оружия под Миром и Романовым заслонили от историков эффективные действия польских улан в первые дни войны 1812 г. 30 июня в селе Домбровка уланы захватили российский магазин, взяв в плен 30 солдат и 90 казаков, в т.ч. 3 офицеров. В тот же день они отбросили 4 поста казаков на реке Лососно и стремительной атакой захватили в Гродно Занеманский форштадт. 1 июля 1812 г. эскадрон улан настиг российские барки, которые под охраной татар уходили по Неману из Гродно, и захватил их [3, с. 192–193]. Нахождение в польском плену в Гродно в начале июля 1812 г. около 100 пленных казаков подтверждают письма вестфальских солдат из VIII армейского корпуса «Великой армии» [1, с. 106]. Для Платова было крайне необходимо сбить наступательный порыв польских улан, который в стратегическом плане угрожал отступлению 2-й западной российской армии, а в тактическом плане был опасен для аванпостов, курьеров и разъездов российской армии.

Таким образом, работы Януша Сташевского являются по сегодняшний день одними из наиболее глубоких и значительных исторических исследований по тематике кавалерийских боев под Миром и Романовым в июле 1812 г. Они опираются на широкий круг источников, преимущественно польских. Работы Сташевского содержат развернутую характеристику польских уланских полков, которые принимали участие в боях, а также достаточно полно описывают сам ход боевых действий. Однако исследования Сташевского не в полной мере используют возможности российских источников и не являются исчерпывающими при характеристике последствий кавалерийских боев летом 1812 г.

Литература и источники

1. Искюль С. Н. Письма вестфальских солдат из России на родину // Освободительное движение в России. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 101–110.

2. Паскевич И. Ф. Походные записки. От начала кампании 1812 г. до соединения под Смоленском: 1812 год в воспоминаниях современников / Под ред. А. Г. Тартаковского. М., 1985. С. 72–105.
3. Korespondencja księcia Józefa Poniatowskiego z Francją. T. IV (1812). Poznań, 1929. 326 s.
4. Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 1. Kraków, 1937. 525 s.
5. Jelski J. Marsze i działania korpusu polskiego w kampanii moskiewskiej 1812 r. // Pamiętniki polskie. Paryż, 1845. S. 29–48.
6. Pamiętnik Piotra Łagowskiego o wojnie 1912 r. na Litwie / Oprac. J. Staszewski. Wilno, 1936. 37 s.
7. Staszewski J. Generał Dominik Dziewanowski. Poznań, 1933. 74 s.
8. Staszewski J. Walki kawaleryjskie pod Mirem i Romanowem 1812 r. Poznań, 1934. 67 s.